

*Лучшие
романы
о любви*

Ирина Алпатова

*Рыбка
в солнечной
воде*

Ирина Алпатова

Рыбка в солнечной воде

«ЭКСМО»

2008

Алпатова И.

Рыбка в солнечной воде / И. Алпатова — «Эксмо», 2008

Лере открылась страшная правда: любимый муж на протяжении всего их брака изменял ей с лучшей подругой. Да и женился Дмитрий на Валерии только из-за денег ее отчима. И вот теперь она одна – в свободном плавании. Добрые родственники подыскали ей жениха и стастно желали их познакомиться. Лера увиливала от свидания, как только могла. А тем временем бывший супруг подруги-предательницы, о котором та рассказывала, как о страшном злодее, проявил к Валерии явный интерес...

© Алпатова И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Алпатова

Рыбка в солнечной воде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сара Бернар

Что, черт возьми, случилось с ее ногами? Лера выбивалась из сил, пытаясь сделать хотя бы шаг по вязкому песку, и не могла. Митина спина серым пятном маячила впереди, и пятно это становилось все меньше и меньше. Нет, она не хотела, не могла остаться на берегу один на один с ледяным штормящим морем. И тяжелые низкие тучи, они того и гляди придавят Леру к земле. Она должна догнать мужа...

Митя! Язык не слушался ее, проклятый песок забился в горло и не давал дышать. Все, еще секунда, и она никогда не увидит Митю, мерзкая зыбь под ногами засосет ее безвозвратно. И тогда Лера сделала, в сущности, невозможное – бросила вперед и вверх свое тяжелое непослушное тело и... полетела... Какая-то тряпица, ах да, жалкая лягушачья шкурка, соскользнула с ее тела, и оно стало невесомым. Набухшие злобой тучи остались далеко позади, а Лера летела, летела, все выше, выше... Господи, какое счастье!

Но как же Митя?! Он же остался там, внизу! И Лера, совершенно голая, неслась над землей, и все смотрели на нее! Тело вдруг снова стало наливаясь тяжестью, и Лера камнем упала прямо на серые плечи мужа, больно ударившись о них виском. Ну и пусть! Она крепко обхватила руками податливую плоть и...

Это была подушка. Да-да, всего лишь подушка в дурацких розовых цветочках, а Лера лежала, зарывшись в нее носом. И хотя лютики-незабудки пахли Митькиным лосьоном, Лере этого было безумно мало, она хотела его всего целиком, сейчас, немедленно!

Значит, ей все приснилось, но вот боль в виске была абсолютно настоящей, и Лера не без труда приподняла тяжелую голову. Так вот обо что она так качественно треснулась – сотовый телефон, не подающий признаков жизни. Как сей предмет оказался на Митькиной подушке? Лера потеряла ушибленное место, и это, похоже, помогло – она стала кое-что припоминать...

В их крошечный театрик с отнюдь не крошечным названием «ГелиосАрт» Лера ворвалась подобно тайфуну, рискуя развалить его как карточный домик.

– Здравсте, Семен Семеныч! – Она пронеслась мимо вахтера точно чемпионка по слалому.

Еще вполне крепкий старикан чуть не подавился чаем.

– Тьфу ты, все углы посшибает! – Он поставил на стол надколотый с одного краешка бокал, отер губы и грозным голосом прогремел вслед нарушительнице: – В следующий раз не пущу после звонка!

«С днем рождения, Лера! Завтра придешь с родителями...»

Антон Фомич, худрук театра, пардон, их главреж, пришедший в «ГелиосАрт» полтора года назад, приволок с собой громоздкий письменный стол, портреты театральных гуру, табличку «главный режиссер» и – внимание! – железную дисциплину. Стол занял почти всю площадь малюсенького кабинета, табличка украсила давно некрашенную дверь, портреты гуру разместились на стенах коридоров. Все оставшееся пространство заполонила дисциплина.

И вот теперь Лера опаздывала. «Живете ближе всех и всегда оказываетесь в последних рядах», – непременно приврет Фома. Не всегда, а очень редко. Не особенно тонкий намек на «последние ряды» Лера вообще старалась пропускать мимо ушей. Но на сей раз она и в самом деле опоздала, позорно проспала, да еще репетиция в костюмах!

Едва не сорвав с петель дверь, Лера влетела в опустевшую гримерку, которую делила еще с шестью актрисами, и, скуля и приплясывая от нетерпения, стащила с себя одежду. Лерин, с позволения сказать, «костюм», в одиночестве висевший на плечиках, выглядел еще ужасней, чем в небольшой компании таких же убогих собратьев.

Где, ну где, скажите на милость, у этой бесформенной тряпки «перёд»? Лера отыскивала его лишь с третьей попытки и, путаясь в немыслимых лоскутах, напялила зеленую хламиду. Взглянула на себя в зеркало и поморщилась – само собой, ее смуглое лицо тут же приобрело нежно-салатовый оттенок, но на него времени не оставалось. Ужас, «совсем как огуречик зелененький он был». Волосы подколоть, чтобы не лезли в глаза, туфли на шпильках долой, она наденет их перед выходом на сцену. Телефон... нет, в складках этой тряпицы не спрячешь даже блоху, и вообще, нельзя сейчас думать о Митьке. Вперед, Гришина!

Ух, показали бы ей тот, кто придумал эти узкие коридоры, к тому же готовые завести тебя черт знает куда! Лера помчалась к цели по очередному полутемному аппендиксу, время от времени задевая за стены. Она, и не оглядываясь, знала – Константин Сергеевич Станиславский и компания провожают ее укоризненными взорами. Возможно, кто-нибудь из них даже качает головой: «Эх, Гришина, Гришина...»

Плюгавенькая тень проворно метнулась чуть ли не из-под ног Леры, уступая дорогу, и распласталась по стене серой кляксой. Светочка Коробкина, моль бледная... Кажется, Лера все-таки задела ее плечом, потому что моль придушенно пискнула. Плевать... пять секунд – и шар в лузе!

Нет, перед «лузой» Лера все-таки притормозила, вдохнула-выдохнула, чтобы справиться с чуть сбившимся дыханием, пригладила волосы и надела туфли. Оставался совсем пустяк – перевоплотиться в бестелесного призрака, что Лера и попыталась сделать: осторожно приоткрыла подло скрипнувшую дверь и, пригнувшись, шмыгнула внутрь, стараясь не стучать каблуками.

С первого взгляда стало очевидно, что все ее усилия были напрасны – в этот день закон подлости работал вовсю, и Фома решил начать как раз со сцены с «инфузориями». Интересно, он уже успел высказаться по поводу отсутствия одной из них? Раз так, Лера, больше не таясь, процокала на положенное место и улыбнулась. Никому конкретно, а всем, кто сейчас на нее смотрел.

Фома, сидевший в своем излюбленном пятом ряду, оживился и радостно спросил:

– Ой, кто это? Неужели сама примадонна? Все-таки решили почтить своим присутствием нас, убогих?

– Да вот, решила, – это был ответ как ответ, но Лера получила за него ощутимый пинок пониже спины, означавший только одно – «заткнись»!

Не будь у нее отличного чувства равновесия... Лера не полетела головой вперед, а лишь переступила своими высоченными шпильками и быстро-быстро оглянулась на новоявленного суфлера Микаэлу Мальцеву, бросив ей многообещающий взгляд: «Ну, Мика, погоди!» Потом снова обезоруживающе, как ей хотелось верить, улыбнулась Фоме, то есть всему пятому ряду.

Пожалуй, в одном Мика была права – продолжать в том же духе все-таки не стоило. Поэтому Лера опустила ресницы, скорбно поджала полные губы, разыграв этюд «молчание ягнят». Судя по тому, что Фома не стал углубляться в якобы расспросы, молчание получилось вполне удовлетворительным.

Итак, человек, которого она любила, уходил, ни разу не оглянувшись, совсем как в предутреннем сне. Ему не нужна была жалкая зеленая инфузория, про ее любовь он ничего не знал, да и знать не хотел...

– Стоп! Гришкина, вы что делаете?! Вот что? Вы? Сейчас? Делаете?

– Я?! – После яркого света, бывшего Лере в лицо, темнота зальчика казалась бездонной, и она никак не могла в этой темноте выловить взглядом Фому. Красно-желтые пятна – пожалуйста, их она видела в огромном количестве, а главрежа – нет. И от этого ее смятение только усилилось.

– Да, Гришкина, вы! Что это за рожи вы мне здесь корчите?

Ладно, «рожу» Лера могла пережить совершенно спокойно, потому что по этой части она и в самом деле была великим мастером, но вот «Гришкину»...

– Я Гришина, – может быть уже в десятый раз напомнила Лера.

Она все еще не могла стряхнуть с себя наваждение – абсолютно настоящее чувство утраты, поэтому фраза прозвучала непривычно жалко и потерянно. Не стоило ей поправлять Фому, да еще таким вот голосом, тем более что он отлично знал ее фамилию и перевирал совершенно сознательно. Ни для кого не было секретом, что пресловутая Гришина вызывала у главрежа приступы неприязни, причем острой и плохо контролируемой.

«Наша примадонна», «великая Гришкина» – все это входило в постоянный репертуар Фомы и порядком Лере надоело. На самом деле Валерия Гришина не успела стать примадонной, и вполне великим был только ее рост. Незабвенный создатель театра Павел Андреич Столяров, который, собственно, и привел Леру в эти стены, верил в ее талант. Но когда он неожиданно умер, Лерина звезда, вернее пока еще звездочка, маленькая и робкая, мигнула ей неверным светом и погасла, точно ее и не было. Теперь уже и сама Лера начала сомневаться в том, что она хорошая актриса.

И вообще нынешний главреж по отношению к рядовой актрисе вел себя как бык, заведший красную тряпку, только что не пускал пламя из ноздрей и не рыл копытом землю. Именно поэтому Лера постоянно ощущала себя тореадором, выходящим с алой мулетой на арену ревущего стадиона. Вот и теперь, подав голос, она все равно что скомандовала: «Туро!» – и Фома с готовностью бросился на врага.

– А-а, так вы Гри-и-ишина... А я уж было подумал, что Немирович-Данченко, потому что только вы позволяете себе...

За спиной Леры хихикнули. Фома этот смешок тоже услышал и, выбравшись из своего пятого ряда и не переставая бубнить, подошел к сцене вплотную, чтобы насладиться общим ликованием в полной мере.

– ... вы говорите свою реплику, отдаете ему зонт и сразу уходите. Понятно вам? Уходите, а не демонстрируете нам свой экстерьер. И не гримасничайте! А то смотрит, будто он всю зарплату у нее занял и отдавать не хочет...

Теперь Лерины партнеры уже не хихикали, а давились смехом. Она, и не оглядываясь, точно знала – веселятся Соломатина, Мальцева и Раменская, то есть команда «инфузорий». А вот Стас наверняка «держит лицо», потому что и в самом деле числится Лериным хроническим должником.

А еще – альфонсом...

Мика Мальцева так распоясалась, что даже позволила себе что-то такое изобразить и вызвала тем самым очередной легкий припадок веселья, и Фома, вместо того чтобы привести компанию в чувство, изволил скупой улыбнуться.

Теперь Лера видела главрежа совершенно отчетливо, он стоял всего-то в нескольких метрах от нее, уперев руки в бока и выкатив круглый животик, и при этом еще все время перекачивался с пятки на носок и обратно. Перпетуум-мобиле в вечном бесформенном свитерке и вечных мятых брюках. Было ясно, что Фома выпустил пар и пришел в хорошее расположение духа. В отличие от самой Леры.

Она взглянула на Стаса, то есть Марка. Так и есть, пока главреж «работал» с Лерой, герой-любовник тихо отполз на безопасное расстояние. Античный бог, вместо лица совершенная маска из мрамора – ни трещинки, ни складочки, то есть вообще ни-че-го. Вообще-то Стас

мог и не суетиться, он был их козырной картой, светочем, на который роем мотыльков слетались зрительницы всех возрастов, и Фома это прекрасно знал. Но все равно Стас страховался.

Когда отстрелявшийся Фома снова убрался на свое законное место, Стасик расслабился, прикрылся зонтом и состроил Лере зверскую гримасу. Слабак! Она в ответ тоже скорчила рожу, да такую, что Стас втянул щеки, чтобы не засмеяться, а менее стойкая Мика подавилась хохотом.

Они повторили сцену еще раз. Ничтожество в зеленом, которое в сценарии значилось как «вторая девушка», изрекло, с точки зрения Леры, нечто невразумительное, всучило красавцу Марку зонт и отползло в правую кулису. Финита ля комедия, сказал бы сейчас Лерин папуля. И оказался бы неправ, потому что главная комедия была еще впереди.

Дело заключалось в том, что оппозиция главной героини, по мнению Леры, полной клинической идиотки, еще не сложила оружия, плела интриги и строила козни. И при этом исполняла полные коварства и угрозы танцы... Да-да, именно танцы, что было, опять же с ее точки зрения, лучшим в данной пьесе.

Несколько месяцев назад Фома собрал труппу и спросил:

– А не сыграть ли нам, други мои, комедию? Нет, не тупую примитивную ржачку, какой сейчас повсеместно потчуют наш всеядный народ. Это будет спектакль, который заставит зрителя плакать и смеяться сквозь слезы, заставит взглянуть на себя и ближнего своего с новой стороны...

Фома говорил, а Лере совсем не ко времени вспомнилась бессмертная фраза из ее любимого старого фильма: «А не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?»

– ... «Рыбка с зонтиком», интересная переводная пьеса, а мы ее сделаем еще и музыкальной! – Да, Фома замахнулся так замахнулся... Лера не засмеялась, почти и не улыбнулась, но Фома все равно разглядел что-то такое возмутительное на ее лице и чуть было не удалил из зала.

Речь в пьесе шла отнюдь не о рыбах, просто главная героиня лезла ко всем с помощью и участием, нужным им «как рыбке зонтик». Все ее, бедную, использовали как могли, а она лезла и лезла, помогала и помогала. Конечно, к финалу «рыбка» смогла преодолеть и коварство, и равнодушие окружающих, но ей пришлось немало для этого попотеть.

Фома тоже не хотел легкого хлеба и не собирался плавать на поверхности, поэтому набрал в легкие побольше воздуха и нырнул в глубину текста. И там, на этой глубине он нарыл массу подтекстов, кучу вторых, третьих и четвертых планов, обнаружил «отчуждение и тотальное одиночество». В конце концов он даже решил провести, тонко и ненавязчиво, параллель между «ими и нами» – миром подводным и миром земным.

– А для разминки задумайтесь вот над чем: с точки зрения рыб есть ли разница между аквариумом и океаном? – тоном экзаменатора спросил главреж.

– Есть... – не очень уверенным хором прошелестела труппа.

– Ну смотря какой аквариум... – ответила Лера и, честное слово, у нее были все основания для такого ответа.

– Своим интеллектом, Гришина, вы блеснете на сцене, – зловеще предупредил Фома и скоро предоставил ей такую возможность. Три выхода, один даже с репликой из двенадцати слов. Да плюс сольный танец, итого – почти двадцать минут на сцене. Между прочим, за последний год это было ее личным рекордом. И главреж ничего не мог поделать с тем, что Гусев, приглашенный постановщик танцев, отдал один из лучших сольных выходов именно Лере.

– Лера, зависни в прыжке! – кричал Гусев, наклонившись вперед и дергая подбородком – это он так помогал, и Лера зависала. Пожалуй, если бы ей скомандовали что-нибудь типа

«лети»! – честное слово, у нее был шанс. Потому что Лера обожала танцевать и умела это делать. – Резче и агрессивней, Лера, ты ведь хищница! Больше экспрессии!

Когда она танцевала, то ухитрялась забыть про idiotские хламы, в которых выходила группа пронумерованных девушек – «хищниц». Художник, точнее, художница по костюмам Алена, следуя концепции спектакля, нарядила их в нечто, отдаленно напоминающее обрывки рыболовной сети. Мике – главной интриганке – достался желтый кусок, Лере – зеленый, были еще голубой и розовый. Причем все с приставкой «грязно-»... «В этом только танец инфузорий-туфелек исполнять», – сказала Лера, блеснув эрудицией, и Мика с ней согласилась.

– Мы веселые медузы, мы похожи на арбузы, – пела Лера в костюмерной. В ее случае это было идеальным попаданием.

– Все-то она у нас умеет. И чего на отделение музкомедии не пошла? Выступала бы сейчас в оперетке... – Было не понятно, шутит Мика или говорит всерьез. Неясным оставался и другой вопрос: почему медузы, они же инфузории, должны носиться по сцене на шпильках?

– Ну так нас лучше видно, – не очень уверенно предположила не особенно высокая Мальцева, – а главное, мне кажется, Алена внушила Фоме, что шпильки это просто верх стервозности.

Сама Мика, «девушка номер один», на двенадцатисантиметровых каблучицах держалась не очень уверенно, так что ее теория насчет верха стервозности несколько прихрамывала, иногда даже в прямом смысле. Лера подозревала худшее – главреж в глубине души надеется, что кое-кто переломает себе ноги, а остальным... как повезет. Ну а хореограф Гусев, естественно, думал только о своем, и все время требовал: «Больше экспрессии, резче! Лера, двигайся, двигайся!» Еще он строго поговорил с Лерой с глазу на глаз, потребовав, чтобы она не смела заниматься самодеятельностью и менять рисунок танца. Иначе...

Лера могла бы посоветовать товарищу понаблюдать, как двигаются в воде стайки... хотя бы гуппи, раз уж под рукой нет акул, но благоразумно от совета воздержалась и клятвенно пообещала строго следовать авторскому замыслу. Тем более что Фома однажды поинтересовался: «А не слишком ли много э... э... второй девушки?» – «Только она вытянет», – отрезал хореограф, и Лера осталась в прежних дозах.

В этот день Лере экспрессии было не занимать. Ровно двадцать пять лет назад она прокричала свое первое «уа-уа» – шаг влево, пируэт; Митька до сих пор не позвонил – поворот всем корпусом, шаг вперед; Фома опять изгаляется, да и черт с ним – плечи развернуть! Потом Лера позабыла про все на свете, потому что появилось пьянящее ощущение легкости и полета, нужно только посильней оттолкнуться и...

Она и сама не поняла, что с ней произошло в следующую секунду. Все было сделано правильно, но только каблук правой туфли вдруг будто провалился куда-то, отчего Леру неудержимо потащило в сторону, в темноту зала. И она буквально рухнула на человека, стоявшего возле самой сцены.

Все произошло невероятно быстро и... складно. Лера даже не успела по-настоящему испугаться и совсем не ушиблась, потому что сцена была невысокой, а тело, лежавшее под ней, оказалось мягким, как матрас. И Лера почему-то нисколько не удивилась, когда, кое-как приподнявшись, разглядела в сантиметре от своего лица красную физиономию Фомы. Главное, он был жив.

– Фома Антоныч! Антон Фомич, простите! – завопила она, как только смогла произнести хоть слово.

– Гр... Гри... ши... шина, слезьте... Слезьте с меня немедленно... Кто-нибудь, снимите ее с меня! – пропыхтел контуженный Фома.

Пожалуй, последняя реплика и привела Леру в чувство окончательно. Она засуетилась, перекинула через сопящего Фому ногу и не очень ловко поднялась, потом опасливо посмотрела вниз на поверженного главрежа. Фома напоминал пингвина, завалившегося на спину и машу-

щего бесполезными крыльями. Между прочим, из такого положения птица сама подняться не может и поэтому обречена на гибель. Бедный Фома!

Присутствующие, выйдя из столбняка, толпой бросились к ним и, оттеснив Леру, теперь суетились вокруг главрежа.

– Не кантуйте, вдруг перелом позвоночника! – вскричал кто-то, и все испуганно отпрянули. Зато Лера в ужасе снова бросилась к своей жертве. Фома лежал посередине импровизированного круга и пытался приподняться. Между прочим, пытался вполне активно. Лера опустилась рядом с ним на колени.

– Антон Фомич, перекатитесь набок, я помогу вам встать.

– Клоунесса! – просипел Фома, но все-таки послушался ее совета и неуклюже перевалился на правый бок. Тут наконец Стас сдвинулся с места и вдвоем с Лерой они подняли главрежа. Слава богу, судя по всему, Фома практически не пострадал и был даже в состоянии топтать ногами.

– Во-он из театра! – приняв вертикальное положение, тут же завопил он. – Я не позволю устраивать здесь балаган и превращать меня в шута! – Фома дрожащей рукой пригладил на макушке жидкие волосы и объявил, указав на Леру перстом: – Или я или она! Все, с завтрашнего дня вы уволены!

И паршивая овца в абсолютной тишине прохромала на сломанном каблуке в гримерную. Коридор, котрый утром она пролетела за пять секунд, теперь показался бесконечно длинным и унылым. Как жизнь, ожидавшая Леру впереди.

– Скажи спасибо, что ноги не переломала. И как ты, Валерка, на таких копытах скачешь... – проворчал ничего не подозревающий Иван Григорьевич, иными словами, дядя Ваня, умеющий абсолютно все: ремонтировать сломавшиеся каблуки, зонтики и остановившиеся часы, управлять «горным эхом» и «шумом водопадов», а так же строить «царские хоромы» из двух кусков фанеры. – Думаю, к послезавтрему будет готово.

Лера не стала объяснять, что «послезавтрие» для нее значения уже не имеет. Может быть, найдется в театре еще одна пара ног, которой «копыта» вполне подойдут. А для Валерии Гришиной бал, собственно говоря, закончился. С днем рождения, Лера...

Она удрала от любопытных взглядов и не ответила ни на один телефонный звонок, а вечером пришла точно к началу спектакля, для нее последнего, и сыграла свою последнюю роль. И даже улыбалась на общем поклоне.

Лера стояла у дверей родного театра и бездумно смотрела в... в общем-то, в никуда. До этого дня она раз сто твердила себе, что все бросит, попробует жить как-то по-другому. Сколько можно ждать неизвестно чего, надеяться хоть на какую-нибудь мало-мальски серьезную роль? Но теперь, когда Фома указал ей на дверь, она чувствовала себя изгнанной чуть ли не из рая.

– Куда днем исчезла? Ты у нас прямо чайка, взяла и полетела, – произнес за Лериной спиной Стас и подул на ее открытую шею.

Лере было жарко, на душе скребли кошки, и тут еще это чужое теплое дыхание на разгоряченной коже... Она стремительно повернулась и, кажется, даже зашипела от гнева, по крайней мере герой-любовник торопливо попятился.

– Ого! Да от тебя прямо искры летят! Синие... как от электрического ската.

– Я думала, ты у нас спец только по кильке в томате, а ты вон что знаешь... – Мика выросла рядом с ними точно из-под земли, и теперь ее круглые рыжие глаза буравили Стасика.

Да, такой взгляд запросто проделал бы дыру в броне танка, но не в толстой Стасовой шкуре. Впрочем, ехидный тон Мики мог обмануть кого угодно, но только не его. Уж Стас точно знал – девушка млеет от любого его слова и жеста, какими бы наигранным они ни были. Как,

между прочим, млели и те девицы, что топтались неподалеку и теперь, замерев от восторга, следили за каждым движением своего кумира.

– Правильно думала, – влезла Лера в игру парочки, сама не понимая, зачем прицепилась к пустяковой фразе, – никакие искры от ската не летят, тем более синие...

Конечно, эти двое тут же объединили свои силы против нее и обменялись взглядом единомышленников.

– Ну, понесло... – мрачно констатировала Мика.

– А ты не слушай ее, зайчик, – пророкотал отвратительным бархатным баритоном Стасик, сверху вниз глядя на Мику, – ты даже представить себе не можешь, как много я знаю. И готов поделиться своими знаниями...

– ...с каждой дурочкой, – снова влезла Лера. Откровенно говоря, она сама себе была противна, но и в самом деле не могла остановиться. В ушах все еще звучал вопль Фомы: «Во-о-он»!!!

Мика все прекрасно поняла. Она покопалась в своей сумке, достала сигареты и протянула подруге. Стас, на секунду выйдя из образа неотразимого обольстителя, жестом фокусника-виртуоза выдернул из пачки сигарету для себя и тут же вновь превратился в героя девичьих грез – изящным артистичным движением поднес каждой из дам зажигалку.

– Что ты переживаешь из-за всякой ерунды? – Мика мастерски выпустила кольцо дыма из тщательно покрашенных губ. – Ты же его знаешь, поорет и отойдет, чай не в первый раз. Сама посуди, на носу премьера – это раз, ты танцуешь очень прилично – это два. Он с тобой не расстанется, не мечтай.

– После того как я на него прыгнула? Он меня сразу невлюбил, сами знаете, все это время только и ждал повода от меня отделаться и вот дождался.

– Лерочка, любой мужик будет просто счастлив, если ты на него прыгнешь. Хочешь, я...

Смотревшая куда-то в сторону Мика прищурилась, и Стас передумал продолжать. Лениво улыбнувшись, он лишь затянулся сигаретой.

– Ну положим, его действительно раздражает твой рост. – В Микином голосе тоже, между прочим, послышалось раздражение, но она быстро с ним справилась. – Твои метр восемьдесят...

– Метр семьдесят пять, – деловито уточнил Стас и стряхнул столбик пепла.

– ... против Фомкиного метра с кепкой... Какому мужику понравится, когда женщина смотрит на него сверху вниз?

Вообще-то этот вопрос Мика задала скорее Стасу, и тот снисходительно кивнул, соглашаясь. Еще бы, их почти двухметровый мальчик мог себе позволить быть терпимым к чужим слабостям.

– И потом, помнишь, он сказал, что тебя слишком много? Проще надо быть, Лера, проще и послушнее. Что ты все постоянно накручиваешь вокруг каких-то двух слов текста? И надо всего-то сказать: «кушать подано», а ты начинаешь: ах, а какая у нее биография? Ох, а вдруг она выросла сиротой? Ух, а что, если ее в детстве уронили с лавки? Сегодня то же самое было.

– Если я не буду накручивать, то мне лучше перейти в уборщицы или в буфетчицы, или... – Лера замолчала, поняв, что может окончательно испортить день не только себе, но и подруге.

– Да уж договаривай, я не обижусь – или превратиться в Мику Мальцеву, которая не играет в большое искусство, стелется перед режиссерами и соглашается на любые халтурки, лишь бы ее заметили. Ну и что? Зато мне уже дают роли второго плана, и Фома обещал...

– Девочки, стоп! – пророкотал Стас и встал между ними, картинно разведя руки – ну прямо Парис, разрешающий спор богинь. Поклонницы, подтянувшиеся поближе, аж задрожали. – Нам что, мало разборок между нашими девками? Еще и вы будете цапаться?

– Стас прав. Мика, прости, но я сегодня действительно не в форме. – Лера могла бы добавить, что все эти споры теперь вообще не имеют никакого смысла, а перед ней лежит светлый путь: хочешь, иди в буфетчицы, хочешь – в уборщицы, а хочешь – на все четыре стороны. – Все, ребята, я ухожу, чао! – бросила она, хотя, возможно, ей следовало с каждым троекратно облобызаться и сказать: «Прощайте»!

Не тут-то было.

– Куда?! Что значит «все, чао»? – Мика даже порозовела от возмущения, а Стас ухватился за ремешок Лериной сумки. – Ты что, надеешься зажать такой классный повод для маленького междусобойчика?

Честное слово, Лера решила, что классным поводом они считают ее беспримерный прыжок на Фому.

– Ребята, это не смешно! У человека, может быть, сотрясение мозга.

– Ну, Фомкин мозг сотрясти не так просто, – усмехнулась Мика, – только ты, Гришина, не финти. И так, к сожалению, день рождения только раз в году, и тот решила зажать. Стасик тебе уже и цветочки купил – в машине лежат, так что давай, Гришина, празднуй, а мы тебя поддержим.

Лера с укором посмотрела на подругу – проболталась все-таки, да еще наверняка цветы сама купила. Их «примадонн» привык цветочки получать, ему и в голову не придет на них тратиться. Мика взгляд Леры истолковала совершенно правильно, сделала большие честные глаза и ударила себя кулаками в пышную грудь:

– Вот тебе крест, ничего не говорила, Стас сам вспомнил. Да, Стасик?

Вспомнил, не вспомнил, да какая теперь была разница? Вон и Микиного «Пежо» по близости не наблюдалось, значит, операция была спланирована заранее. А между тем памятный Стасик лениво отбросил окурок и как будто небрежным жестом приобнял Леру за плечи, отрезая все пути к бегству. Лера хотела стряхнуть нахальную руку, но услышала за спиной возбужденное жужжание массовки и ничего предпринимать не стала. Вот только ей было все-таки жаль Мику. А та поджала губы, раздула ноздри и... тряхнув кудрями, решительно сказала:

– Если у тебя денег нет, не проблема, я сегодня богатая.

Микино великодушие не ведало границ, но это было уже слишком. Впрочем, Мика знала, что деньги у Леры есть, просто таким образом давала понять: «Я готова на все, чтобы провести вечер со Стасом. И меня ничто не остановит».

– Ладно, едем, – сдалась Лера, – но переодеваться я не буду.

Мика перестала шуриться и разглядывать давно знакомые окрестности. Карие, нет, все-таки рыжие очи с такой благодарностью взглянули на Леру, что та только вздохнула – и угораздило эту дурочку влюбиться в Стаса! А Мика уже загорелась, как факел, к которому поднесли спичку, и с преувеличенным отчаянием оглядывала Лерин выходной наряд – голубые потертые джинсы, тонкий белый свитерок, кроссовки. Наконец соорудила гримаску и подвела итог:

– Ужас! Лучше бы ты осталась в своем зашибенном костюмчике цвета детской неожиданности, там в комплект хотя бы туфли на шпильках входят. А так нас ни один фэйсконтроль не пропустит, а я хочу в приличный клуб.

– Девочки мои, с вашими фэйсами нам никакой контроль не страшен, – пропел Стас, тоже заметно оживившийся, и потащил своих девочек к «Форду», между прочим, вполне гнусного зеленого цвета.

Девочки переглянулись за Стасовой спиной, и Лера, естественно, скорчила рожу – комплименты кавалера иногда ставили ее в тупик. Мика захохотала так, что стайка Стасиковых поклонниц бросилась врассыпную.

Ладно, о том, как жить дальше, я подумаю завтра, а сегодня пусть будет клуб. Так решила Лера. Единственным условием, которое она выдвинула компании, было наличие просторного

танцпола, о других «но» Стас отлично знал сам. Естественно, место, в которое он их привез, оказалось совершенно Лере незнакомым. Фэйсконтроль они прошли без проблем.

– Теперь это не самая крутая тусовка, а раньше сюда было не попасть. Но раз ты захотела простора... По крайней мере с выпивкой и музыкой здесь по-прежнему все в порядке. – Стасик с видом гостеприимного хозяина, без конца здороваясь и раскланиваясь, потащил девушек к барной стойке.

Лера огляделась – довольно низкие потолки, стены увешаны фотографиями шестидесятых годов, вокруг много девочек, накрашенных и одетых под Твигги... Господи, почему она в такой вечер здесь одна? То есть не одна, конечно, но без Митьки? Настроение, и так пребывавшее на нуле, не выдержало борьбы с обстоятельствами и скатилось за критическую отметку. Не хватало еще распустить нюни на глазах у всех!

Мика пыталась что-то у нее спросить, потом исчезла и появилась уже вместе со Стасом, вручившим Лере высокий бокал. Все правильно, «хозяйке бала» было безразлично – что пить и за что платить. Ребята отсалютовали новорожденной, а та в ответ присела в легком реверансе. Из-за громкой музыки разговаривать было совершенно невозможно, и, пожалуй, Лера этому только обрадовалась. Она размешала соломинкой в коктейле лед, затем, вытащив ее, несколькими глотками выпила содержимое, вручила пустой бокал ошарашенной Мике и, забрав у той из рук почти полный, в точности повторила процедуру. Стас пришел в себя первым и припал к своему коктейлю, пожалуй, слишком торопливо. Лера снова вручила подруге пустой бокал, повесила ей на плечо свою сумку и тряхнула волосами. Все, теперь она будет веселиться.

Лера в одиночку станцевала ча-ча-ча и румбу, только теперь пожалев, что и в самом деле не на каблуках, потому что тогда танцевать было бы интересней. Затем мастерски исполнила зажигательные вариации Китри из балета «Дон Кихот», лирическое адажио из «Лебединого озера» и решила, что все-таки очень кстати не надела каблуки, потому что в них ни за что не смогла бы встать на «пуанты». И как замечательно, что поблизости не маячит Фома с Немировичем-Данченко и прочей компанией.

После всего этого два молодых человека на голову выше Леры пригласили ее на танец маленьких лебедей. К общему сожалению, они не смогли исполнить номер до конца, потому что Мика бесцеремонно и не без труда выдернула подругу из искрометного трио, как аркан накинула ей на шею ремешок сумки и потащила в дамскую комнату.

– Лерка, ты что, взбесилась?! – Микино лицо полыхало так, точно это она, а не Лера, почти час отплясывала на площадке. – Можно подумать, что ты высосала пол-литра водки, а не пару жалких коктейлей. Между прочим, мой отняла силой. Ты только посмотри на себя в зеркало!

Лера посмотрела. А что, нормальная ведьма – «губы как кровь», иссиня-черные волосы дыбом, запавшие глаза горят inferнальным светом – все, как положено. И что это Мика надумала читать нотацию?

– ...Стас считает, что ты привлекаешь к себе слишком много внимания! И позволяешь себя лапать всем, кому ни попадя! Еще скандала не хватало...

Ах, вот оно что! Лере стало смешно – Стас считает, а действует Мика. И никакого скандала не будет, их мачо не стал бы драться даже один на один, и уж тем более с превосходящими силами противника. Разве не он постоянно твердит, что внешность актера – это его бумажник?

– Вы сами рвались повеселиться, разве нет?

– Ну не до такой же степени...

Понятно, Валерии Гришиной опять было слишком много.

– Послушай, Мика, вы все постоянно долбите, что у меня невнятное амплуа – то ли женщина-вамп, то ли клоун. В театре это не пляшет, а здесь очень даже, сама видела. – Лера хотела рассмеяться, но не получилось.

– Он что, до сих пор не позвонил? – Мика так быстро из обвинителя перевоплотилась в сестру милосердия, что Лера не успела собраться и сделать лицо. Да, ее муж не позвонил ни сегодня, ни вчера, ни позавчера, ни...

– Не в этом дело, – беспечно ответила Лера, но получилось до отвращения фальшиво. – Он сразу предупреждал, что там неустойчивая связь. Потом, они снимают почти сутками, каждый час – это большие деньги, сама понимаешь.

– Да понимаю я, понимаю. Ну и нечего переживать, как только сможет, сразу позвонит. – Мика выступила ничуть не лучше Леры, она безбожно переигрывала – слишком много беспечности, слишком высок градус бодрости. – А ты сама пробовала дозвониться?

Пробовала. Причем столько раз, что сбилась со счета. Может быть, в этой самой Румынии как раз и расположен бермудский треугольник, который проглотил Лериного мужа?

– Лерка, ты можешь меня сейчас убить, но я все равно спрошу: чего ты теряешься? За тобой такой мэн увивается, а ты как жеманная институтка: «Ах, что вы, что вы...». Ну можешь ты хоть на минуту расслабиться? Вот я бы не стала ломаться, все к чертовой матери бросила и рванула с ним хоть на край света!

Микины глаза метали такие молнии, что в пору было искать укрытие. Интересно, сколько «жалких» коктейлей выпила она сама?

– Мы со Стасом просто друзья. – Лера столько раз повторяла эту фразу, что стала произносить ее как автомат – на одной ноте.

– И ему этого достаточно? Так я и поверила. Уж мне, как близкой подруге, могла бы сказать правду. Да и в театре все в курсе. Если хочешь знать, Ритка треплет, что ты его содержишь.

Лера безразлично пожала плечами:

– Все так же в курсе, что на мою зарплату и кошку содержать трудно, не то что Стаса.

– А тебя тоже содержат, причем, помимо мужа... Фигурируют то ли два, то ли три мужика.

– О-о! Муж, куча любовников, просто шикарно!

– Конечно, тем более что шмотки и обувь ты явно не на рынке покупаешь. Не все же знают, что у тебя крутой папашка.

– Он мне не папашка, и тебе-то это хорошо известно. – Лерино терпение все-таки стало подходить к концу. – Отлично, Стас – мой любовник, и еще пяток в запасе имеется. На этом и остановимся.

Мика сдула с лица непослушную прядь и прищурилась.

– И что они в тебе находят, Гришина? Ну смазливая, есть фигура, ноги, но я же в сто раз лучше! А они к тебе липнут... Что в тебе такого особенного, а?

Мику развозило на глазах, или она притворилась, чтобы наконец-то высказаться? Нужно было как-то спасти ситуацию, и Лера произнесла трагическим голосом:

– Ладно, делаю окончательное признание! Причем эксклюзивное, только тебе. Чтобы любой мужик стал моим, мне достаточно... тут звучит барабанная дробь... мне достаточно скорчить рожу! Показываю...

Мика взглянула на нее в зеркало и нехотя улыбнулась. Они на секунду встретились взглядами – и что-то такое произошло, какое-то реле щелкнуло, и все встало на свои места. Поэтому Мика перестала хмуриться, картинно облизала пухлые губы и тряхнула медной гривой – тигрица, в один миг способная превратиться в рыжую кошечку.

– Да ладно уж, это я так, ты и в самом деле у нас девушка хоть куда... – примирительным тоном сказала она.

– Что и говорить, для женщины почти немыслимое признание, а для актрисы вообще подвиг. Ты настоящий друг, – сообщила Лера подругинутому отражению. Потом, чуть отступив назад, отставила ногу, выпятила грудь, то есть приняла «торжественную» позу и немного в нос

объявила: «Уважаемые зрители! А сейчас перед вами выступают Сара Бернар и ее обезьянка Да-а-арвин»!

И подружки состроили такие физиономии...

В кои-то веки Микаэла Мальцева переиграла Валерию Гришину, потому что Лерина гримаса напоминала всего лишь маску Пьеро, проглотившего здоровенный лимон.

– Сегодня ты у нас мадемуазель Бернар, – честно признала Лера.

– Наконец-то! – искренне обрадовалась Мика. – А то все ты да ты, у меня уже скоро хвост вырастет. Короче, мою победу надо отметить. Пойдем, Дарвин, я угощу тебя бананом. Знаешь, я давно думаю, что, если бы за подобные вещи присуждали «Оскара», он был бы наш.

– Где вы пропали, черт возьми! Я тут сижу, всеми забытый, жду... – Вообще, то Стас не так чтобы очень уж сердился. Вокруг всеми забытого кружили по меньшей мере три девицы, ожидая лишь взгляда или знака. – Лерочка, ты слышишь, какая музыка... – Стас томным и одновременно повелительным жестом протянул ей свою руку.

Да слышала Лера, слышала и прекрасно знала, что будет дальше – партнер притиснет ее к своему хорошо тренированному телу так, чтобы она почувствовала каждую пуговицу на его рубашке, а затем попытается изобразить занятие сексом прямо на площадке. Мика тоже знала и стояла рядом с независимым видом.

– Я медленные танцы не танцую, если ты забыл. – Лера демонстративно пристроила сумку на груди, точно щит, чтобы товарищ не думал и не мечтал насчет прижиманий.

– Зато я очень даже танцую. – Мика на лету подхватила эстафетную палочку и шагнула вперед. Лера взглянула на отчаянное лицо Стаса и пожала плечами – хотели веселья? Получайте! Парис взял себя в руки и с фирменной улыбкой завис над своей Еленой.

Настроение, похоже, испустило дух окончательно, и Лера довольно грубо отшила нескольких кавалеров. Она едва дождалась, пока пройдет минут десять, и стала осторожно пробираться к своим друзьям между танцующими парами. Как и предполагалось, Мика времени зря не теряла и за эти десять минут прилепилась к Стасу намертво. Ничего, он же актер, пусть поработает.

– Я поехала домой, а вы гуляйте! – провопила Лера в ухо героя-любовника и быстрым движением сунула ему в нагрудный карман сложенные купюры.

– Что?! – На лице Стаса отразилась чуть ли не паника, хорошо, что Мика дремала у него на плече и ничего не видела.

– Веселитесь, я уезжаю! – для верности Лера помахала рукой и пошла прочь. Ну вот и все, расчет оказался верным – Мика не смогла оторваться от своего ненаглядного Стаса, а он не смог вырваться из нежных девичьих объятий.

Уже в такси Лера в который раз выудила из сумки телефон и взглянула на него, ну так, на всякий случай. Господи, он услышал ее молитвы, а она, конечно же, прозевала звонок!

Пальцы плохо слушались и бестолково тыкались в кнопки, а потом чуть было не вырвали телефон, когда стало ясно, что звонили: дядюшка, отец, мама, Наташа, опять Наташа, потом еще раз мама... Митька не звонил.

Больше всего на свете Лере хотелось выбросить телефон из окна такси, она даже как будто примерилась, как это сделать, но во время опомнилась. Митька позвонит завтра, а сегодня...

Она прочла SMS, присланные дядей и Ниной, затем послание отца: «Валерия! Прими мои поздравления и пожелания успеха на многотрудной артистической стезе. Помни, что главный ДАР я вручил тебе еще при твоём рождении! Ибо на свете нет ничего превыше и дороже ТАЛАНТА!!! Твой пан Валеvский». Ниже следовала приписка: «ваш папа».

Лера представила, как Галочка, очередная пассия отца, шевеля губами и морща девственно гладкий лобик, набирала под диктовку это высокопарное сообщение, ибо папуля бесконечно презирает «вывихи цивилизации», а открытки писать не любит.

До недавних пор подругами папули были исключительно начинающие актрисы, смотревшие в рот «пану». Но в конце концов папочка заметил одну, глубоко оскорбившую его, закономерность – как только девочки как-то определялись с работой, они тут же начинали смотреть в другую сторону. «Продажные шлюхи» – таков был папулин приговор. Галочка, приехавшая откуда-то из глубинки, работала медсестрой, что выгодно отличало ее от «юных щучек», окружавших папулю. И, как скоро выяснилось, она вполне сносно разбиралась в вывихах любого рода, поэтом стала не только личной массажисткой, но и секретарем отца.

Приписку Галочка сделала по собственному усмотрению, видимо, засомневавшись, что Лера сообразит, кто такой этот самый «пан Валеvский». Ну что же, Лера ее понимала – пан никак не мог смириться с наличием взрослой дочери у такого молодого еще мужчины и никогда этого не скрывал. При случае, в особо грустные минуты, он уверял, что абсолютно одинок и нет в этом мире ни одной родной ему души. Вообще-то Леру поразило уже то, что на сей раз папуля вспомнил дату ее рождения день в день. А может быть, это Галочка проявила чудеса секретарской сноровки.

Означенный в SMS подарок, то есть ДАР фигурировал в отцовских поздравлениях постоянно. Лера не раз подумывала о том, что хорошо бы найти коробку, в которую он упакован. Тогда, возможно, она смогла бы стать... ну той же Сарой Бернар. Впрочем, теперь эта куда-то запропастившаяся коробка была ей ни к чему.

Лера торопливо отогнала унылые мысли и представила, как приедет домой, примет ванну, выпьет чаю... Да у нее есть куча всяких простых радостей, если уж на то пошло. И она обязательно всем перезвонит, как только выдернет себя из серого болота тоски.

Лера давно подметила за собой эту странную привычку – чем серьезней проблемы, тем горячей должна быть вода в душе. На сей раз ей на плечи с шумом лился почти кипяток.

А что скажет Фома, когда ему сообщат, что изгнанная из театра актриса сварила себя в ванне, как рака? Скорее всего, он покачается на пятках туда-сюда и изречет нечто вроде того, что ничего другого от этой клоунессы и не ждал. Даже с собой она покончила весьма дурацким способом.

Наслаждение от горячей воды улетучилось вместе с паром, и Лера выбралась из ванны. Кто сказал про самоубийство? Ее ждал махровый Митин халат, пахнущий его одеколоном, и смородиновый чай. В конце концов, ее ждал светлый путь, и Лера отправилась на кухню с твердым намерением получать удовольствие от жизни.

Наверное, ей почти удалось впасть в некое подобие сна наяву, потому что телефонный звонок показался чуть ли не набатом. Едва не облившись чаем, Лера бухнула на стол чашку и кинулась в тесный коридорчик за сумкой. Ну вот, когда она перестала ждать, это свершилось – Митька смог пробиться через все мертвые зоны и все-таки позвонил!

– Да! – закричала Лера в трубку, изо всех сил прижимая ее к уху, чтобы голос, которого она так ждала, не смог вырваться на волю и пропасть.

– Лера, что ты так вопишь? Я едва не оглохла! Где тебя носит? Я звоню уже в десятый раз. Лера, мы вернулись, и завтра ты должна будешь к нам приехать, у меня столько новостей! Ты упадешь, когда меня увидишь. Это нечто!.. ну вот, я хотела сообщить тебе что-то важное, но ты так завопила, что я от страха все позабыла!

Лера примерно догадывалась, о чем позабыла ее трепетная мамочка. Скорее всего, она хотела сообщить, что у Леры сегодня, то есть уже вчера, был день рождения и, если бы не мамулин подвиг, этого дня могло и не быть.

– Привет, мамуля! Я только что вошла, буквально с ног валюсь после спектакля. Давай, я позвоню тебе завтра... – Лерин взгляд упал на будильник – тридцать две минуты второго! Наверное, она слишком громко взвыла, потому что мама строго приказала:

– Не возражай! В отличие от тебя я держу руку на пульсе жизни. Ты даже представить себе не можешь, чем сейчас живет Европа! Попробуй угадать, кого мы встретили в Лондоне? – К счастью, мама не собиралась ждать, пока Лера действительно угадает, – Киру Белову с мужем, причем совершенно новым. Я даже со счета сбилась, какой у него порядковый номер, и сама Кира, я думаю, тоже.

Лера положила чирикающую трубку на тумбочку, сходила почистила зубы и вошла в «сиротскую» пижаму – она надевала ее тогда, когда Митька не ночевал дома. Последнее случилось очень часто, поэтому синие колокольчики на белом поле вылиняли и поблекли от постоянных стирок. Да, видел бы Фома своего бывшего штатного клоуна в этой экипировке... Лера разложила диван и постелила постель так, словно Митька дома и вот-вот вернется из ванной, потом снова прижала к уху телефон и послушала.

– ...ты тоже ахнешь, когда увидишь, а она буквально позеленела. Потом я увидела такое пальто, представь, натуральная... – Лера до неприличия громко зевнула и свободной рукой взбила подушку.

– ...уши длинные, почти до пола. Они с ним приходили, и он еще сделал лужу. Оказывается, им хвосты сейчас не купируют... Но что же я хотела тебе сказать? Что-то важное... Ладно, потом вспомню. Но я отвлеклась. Представь, что было, когда Борис его увидел...

Лера легла, аккуратно положила трубку на соседнюю подушку и закрыла глаза. Совершенно напрасно она переживала, что проведет эту ночь в одиночестве.

Да, именно так все и было. Лера потеряла ушибленный висок – еще не хватало заполучить синяк, сползла с дивана и поставила телефон на зарядку. А что, если мамуля до сих пор на связи? Доброе утро, мама...

Шутки шутками, но трубка тут же разразилась бодрой трелью.

– Алло, это великая актриса Сара Бернар?

– Нет, всего лишь ее обезьяна Дарвин. Сара Бернар была, да вся вышла.

– Скажите пожалуйста, говорящая обезьяна, и голос совсем как у Сары. Надеюсь, она вышла ненадолго, потому что я дозвонился с большим трудом и очень соскучился.

– Боюсь, и далеко, и надолго. Я по тебе тоже соскучилась, и по Ваське, и по Нине.

– А я помню, что Сара сегодня свободна. Поэтому она должна приехать к нам немедленно, ненавижу поздравлять по телефону. Слушай, а эта обезьянка Дарвин, она, должно быть, прехорошенькая?

– Дорогой дядя, подойди к зеркалу, мысленно пририсуй себе волосы до плеч – и получишь ее портрет. Да, только не забудь перед этим побриться.

– В таком случае я настаиваю на разговоре с Сарой! Не хочу флиртовать со страшной, пусть даже бритой обезьяной. Я надеюсь...

Лере так и не суждено было узнать, на что именно надеется ее любимый дядюшка, потому что в трубке послышался скрежет, потом какая-то возня, сильно смахивающая на легкую хватку. Победитель определился очень быстро, и голос Нины строго произнес Лере в ухо:

– Немедленно прекратите ваш балаган! Васька вон скачет, как бешеный, и орет, что хочет страшную обезьяну! Лерка, мы все хотим тебя увидеть, поздравить, расцеловать, именно это и собирался сказать твой бестолковый болтливый дядюшка. Даром, что доктор наук. Все, никаких отговорок, мы тебя ждем.

На этот раз Лера посмотрела на телефонную трубку с нежностью. Митька был по-прежнему недоступен, но ее самый лучший в мире дядя, самые прекрасные на свете мальчик Васька и его мама, вот они, почти рядом, и ждут ее, и готовы утешить и развеселить. Обезьяна Дарвин быстро собралась и поехала.

Лера задержалась у витрины с игрушками, прикидывая, что бы такое купить Ваське. Лично ей приглянулся плюшевый заяц, обнаживший в скептической улыбке два длинных зуба. «Допрыгались мы с тобой?» – как будто спрашивал вислоухий и смотрел на Леру грустными раскосыми глазами. Кого же он ей напомнил? И вообще, Лера засомневалась, оценит ли ироничного зайца молодой человек трех лет от роду? Что-то подсказывало ей, что зверь сидит в витрине давненько и привык к таким вот сомнениям прохожих.

– Валерия, как хорошо, что я вас встретила!

У Леры была лишь секунда на то, чтобы прикинуться глухой и рвануть за угол или броситься в магазин и попросить там политического убежища. А еще можно было изобразить психически ненормальную или... В общем, выбор оказался слишком велик, и в отпущенную секунду Лера не уложилась, поэтому обреченно повернулась к Вере Марковне, директору их театра.

Впрочем, правильнее было сказать, что Вера Марковна была больше чем директором, она была их всем. Это «всё», как поговаривали, повидало на своем веку не одно поколение режиссеров, каждого встретило и проводило, и теперь Фома мог спокойно опереться на его (или ее?) опытную руководящую длань.

Главреж любил повторять слова, которые без зазрения совести слямзил у Станиславского – «верю – не верю!». В театре давным-давно переиначили их на более близкое и актуальное «Веру-не Веру!» и вот теперь Невера стояла перед Лерой, нацелив на нее свои очки-линзы.

Лера нервно поправила волосы, когда поняла, что почти перестала дышать под микроскопом ученого препаратора. Еще бы, решение театральных проблем было для Неверы семечками, потому что она в совершенстве владела главной наукой: как надо жить и как жить не надо. И было совершенно ясно, что сейчас Невера готова обрушить все эти знания на Лерину голову. Несчастливая неофитка нервно переступила на месте и кашлянула.

– Да-да, – кивнула Невера, поняв все совершенно правильно, – нам с вами надо серьезно поговорить, – и железные пальцы ухватили Леру за локоток.

– Но я не могу, Неве... то есть Вера Марковна! Меня ждут, честное слово! – В одно мгновение Лера из независимой самостоятельной женщины превратилась в шкодливую первоклассницу, даже машина времени не понадобилась.

– Вы хотите работать в нашем театре? – вкрадчиво спросила Невера, впившись взглядом в Лерино лицо. На самом деле никакой это был не вопрос, потому что она ни секунды не сомневалась в том, что нет такого человека, который не хотел бы работать в ИХ театре. Именно поэтому Невера тут же сама себе и ответила: – Хотите. Значит, вам, Валерия, нужно в корне пересмотреть свою линию поведения.

О господи! Не просто поведение, а линию!

– Вера Марковна, я...

– Знаю. Вот поэтому вы не должны третировать Антона Фомича. Он прошел большую жизненную и профессиональную школу, и шутить с таким человеком нельзя!

Итак, Невера распенила полет Леры со сцены как шутку. Однако...

– Но я же увлеклась, упала и сломала каблук. – Теперь Лера всю оправдывалась перед этой гримзой.

– Вот именно, Валерия, вот именно! Вы увлеклись, и в результате Антон Фомич до сих пор не может прийти в себя. Хорошо, что он отделался легким испугом, все могло закончиться куда серьезнее. Еще одна подобная выходка с вашей стороны – и вряд ли даже я смогу...

Еще одна... так что, она не уволена?!

– ...теперь многие молодые актеры считают – «театр это я». А вот мне помнятся другие времена, когда великие корифеи...

Лера затравленно огляделась по сторонам. Если речь зашла о других временах и корифеях, то ей следовало захватить с собой палатку или спальный мешок: Невериных воспомина-

ний хватит на очень долго. А ведь она была почти у цели, только завернуть за угол и пересечь двор.

– ...вот где истинная преданность профессии и театру. А что мы видим теперь?

Что же делать? Может, все-таки забежать в магазин и уйти через черный ход? Телефон в Лериной сумке тоже не выдержал и зашелся в истерике: «Давай, дуй отсюда!»

– Лера, ну где же ты, сказала, что подходишь, и пропала! – В голосе Нины слышалось легкое раздражение и что-то, похожее на отчаяние.

Где она?! Да господи, в десяти шагах, и Невера смотрит на нее с укором и нетерпением, явно готовая продолжить воспитательную беседу.

Лера взяла себя в руки.

– Я уже рядом, я иду, не начинайте без меня.

Естественно, они не могли начать без виновницы торжества, и фраза была рассчитана на публику. Но публика ей внимать не желала – Невера вела себя, как тетерев на току, и начала точно с того места, на котором ее прервали. Вот она, страшная месть Фомы!

В конце концов даже Неверино красноречие иссякло, и Лера нетвердой походкой пошла прочь, сопровождаемая напутствием:

– Больше не опаздывайте, Валерия! И главное, как следует подумайте над моими словами!

Хорошенькое дело – «не опаздывайте», уже опоздала! И над какими именно словами нужно подумать? Из сорокаминутной «беседы» Лера четко уяснила только одно – Фома ее не выгнал. Пока. Наверное, Лера перенервничала, иначе как еще можно было объяснить легкое чувство... разочарования. Видимо, начали проявляться последствия падения – она все-таки ушибла голову.

Лера отряхнулась, как кошка, прогоняя наваждение, и бросилась в знакомый двор. И зачем в огромном городе, по улицам которого ходят тысячи людей, она должна была столкнуться именно с Неверой? Оказалось, затем, чтобы не встретиться с другим человеком.

Как же она любила их всех – эту дружную и немного безалаберную семейку Валевских! Они встретили ее в дверях, выстроившись по «степени возрастания» – впереди кот Водолаз (его младенцем отловили в луже), потом Васька, за ним – его родители. Мелочь, роившаяся в первых рядах, тут же запуталась у Леры в ногах, не давая ей ступить и шага, поэтому Нина принялась разруливать затор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.